

УДК 130.2
ББК 71.0
М 73

Работа по созданию монографии проводилась при финансовой поддержке программы «Научный фонд» НИУ ВШЭ в рамках студенческих проектов «Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Западной Европы Позднего Средневековья и раннего Нового времени» (проект № 11-04-0050, программа «Учитель — ученики», 2011–2012 гг.) и «Политическое измерение нелегитимного аргумента в науках о языке и тексте» (научно-учебная группа «Языки интеллектуальной культуры», 2013–2014 гг.) под руководством Е.Г. Драгалиной-Чёрной и Ю.В. Ивановой.

Ответственный редактор — *П.В. Соколов*

Научные редакторы и редакторы переводов с английского
и французского языков — *Ю.В. Иванова и П.В. Соколов*

М73 Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени [Текст] / отв. ред. П. В. Соколов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 544 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1064-3 (в пер.).

Монография объединяет исследования, целью которых является анализ нелегитимной аргументации в различных областях интеллектуальной культуры Западной Средневековья и раннего Нового времени: логике, юриспруденции, библейской герменевтике, науках о природе. В монографии был реализован синтез двух основных подходов к исследованию аргументативного устройства доново-временного научного текста: аналитического (рациональная реконструкция) и исторического.

В центре внимания авторов монографии — теоретическая проблема демаркации софистики и аргументации; способы аналитической реконструкции схоластических «диспутов с предписаниями»; статус эмпирической аргументации в философском знании; аргументативные коллизии, возникавшие в процессе генезиса нововременной модели науки; концепция «политической софистики» в сочинениях позднесредневековых логиков и теологов; идея манипуляции в ренессансной политической литературе; специфика аргументации и определения критериев достоверности в «зонах неразличности» между научным и прикладным (военное дело) и «паранаучным» (астрология) знанием. В состав монографии включены комментированные переводы наиболее репрезентативных текстов по истории нелегитимной аргументации.

Книга предназначена для специалистов по философии, истории и теории науки, студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных факультетов и для всех, интересующихся историей интеллектуальной культуры Европы.

УДК 130.2
ББК71.0

ISBN 978-5-7598-1064-3

- © Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им А.В. Полетаева, 2015
- © Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	6
ВВЕДЕНИЕ (П.В. Соколов).....	7
I. МЕТАФИЗИКА	
В.Л. Иванов. «То, чему не противоборствует бытие»: учение Дунса Скота о возможном сущем и о противоречивом «ничто» в теологической экспликации сущности твари как объекта божественного знания и всемогущества	17
Иоанн Дунс Скот, ОМБ. Ординация. Книга I. Дистинкция 43 и параллельные тексты (пер. с лат. В.Л. Иванова).....	26
Иоанн Дунс Скот, ОМБ. Ординация. Книга I. Дистинкция 36 (пер. с лат. В.Л. Иванова)	43
II. ЛОГИКА	
IIa. Софизмы	
С. Эббесен. «О софистических опровержениях» Аристотеля в средневековой традиции	61
(пер. с англ. В.В. Долгорукова)	
Е.Н. Лисанюк. Софистика vs аргументация: проблемы демаркации	76
Ч.С. Джонстон. «Это Сократ»: мертонианский софизм об именовании.....	93
(пер. с англ. В.В. Долгорукова)	
IIб. Диспуты с предписаниями	
С. Рид. Диспуты с предписаниями, софизмы, инсолубилии	102
(пер. с англ. В.В. Долгорукова)	
Е.Г. Драгалина-Чёрная. Диспуты с предписаниями: между дидактическим диалогом и диалогической семантикой.....	128
А.М. Павлова. Формальная диалектика Чарльза Хэмблина и средневековый логический диспут	141

III. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

IIIа. Политическая семиология

П.В. Соколов. Virtus sermonis, operalis locutio и политические импликации экзегезы у Джона Уиклифа и Джона Каннингема..... 157

Акты магистра брата Иоанна Кенингама кармелита против идей магистра Иоанна Виклиффа (*пер. с лат. П.В. Соколова*) 176

А.А. Плешков. Статус языка в политической философии Томаса Гоббса..... 194

IIIб. Филология

Ю.В. Иванова. Речи Никколо Никколи в диалоге о трех венцах и норма аргументации в гуманитарных науках 209

Леонардо Бруни Аретино. Диалоги к Петру Павлу Гистру (*пер. с лат. Ю.В. Ивановой*) 219

А.В. Марей. «...Cum falsa sit etymologia, falsa erit & diffinitio...»: к вопросу о легитимности этимологического аргумента в юридическом тексте 236

Лоренцо Валла. Шесть книг об изяществе латинского языка. Книга VI. Глава CCCCLXIX (LII) (*пер. с лат. А.В. Марей*) 248

М.В. Шумилин. Личные выпады в спорах ренессансных ученых: диалог, полемика или... 251

А.В. Голубков. Между университетом и светским салоном: специфика доинституционального существования французского академического дискурса XVII века 266

IV. НАУКИ О ПРИРОДЕ

Ч. Бёрнетт. Славянская космология? Естественная философия в сочинениях Германа Каринтийского 291
(*пер. с англ. М.А. Сорокиной*)

Д. Групе. Аргументы в пользу новой космологии в Европе XII века: «Книга Мамона» — ранний латинский комментарий к астрономии Птолемея 301
(*пер. с англ. В.В. Долгорукова*)

Н. Вейль-Паро. О значении одной отвергнутой гипотезы в Средневековье и эпоху Ренессанса: одушевленность магнита 316
(*пер. с фр. М.А. Сорокиной*)

И.Г. Гурьянов. Представления Марсилио Фичино об устройстве человеческого тела и причинах меланхолии: между университетской медициной и платонической экзегезой..... 330

<i>Е.К. Карпенко. У истоков языка науки о природе: вводные замечания к трактату Бернара Палисси (1510? – 1590) «О металлах и алхимии» из сборника «Любопытные рассуждения»</i>	347
Бернар Палисси. Трактат о металлах и алхимии (пер. с фр. Е.К. Карпенко)	355
<i>Д.А. Баюк. Легитимность апелляции к законам в рассуждениях Галилео Галилея о природе</i>	380
V. ПРАКТИКА	
<i>О.И. Тогоева. Когда преступник — свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия</i>	403
<i>Н.Е. Асламов. Дисциплина, gute Polizey и спекулятивный аргумент в немецких и нидерландских военных трактатах раннего Нового времени</i>	435
VI. ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ	
<i>О.С. Воскобойников. Два голоса в пользу наук о небе в XII веке</i>	451
Пётр Альфонси. Письмо к перипатетикам Франции (пер. с лат. О.С. Воскобойникова)	454
<i>М.А. Сорокина. Аргументы против астрологии в XIII веке</i>	471
<i>С. Пассаванти. Легитимность оккультного. Левин Лемний и литература о тайных знаниях</i>	491
(пер. с фр. М.А. Сорокиной)	
<i>А.В. Марей. Франсиско де Витория и его лекция «О магическом искусстве»</i>	508
Лекция о магическом искусстве достопочтенного отца и брата Франсиско де Витории (пер. с лат. А.В. Марей)	514
Сведения об авторах.....	540

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CAG — Commentaria in Aristotelem Graeca. 23 vols. Berlin: Reimer, 1881–1907
- Ms. — manuscriptum
- OFM — Ordo fratrum minorum
- OFMConv — Ordo fratrum minorum conventualium
- OFMObs — Ordo fratrum minorum observantiae
- OP — Ordo praedicatorum
- PL — Patrologiæ Latinæ cursus completus / J.P. Migne (ed.). 221 vol. Parisiis: Migne, 1852
- SJ — Societas Jesu
- ОИ — Общество Иисуса
- ОМБ — Орден миноритов

А.В. Марей

«...Cum falsa sit etymologia, falsa erit & diffinitio...»: к вопросу о легитимности этимологического аргумента в юридическом тексте

Для человека Античности и Средних веков мир мыслился совокупностью понятий (или имен), и добраться до их основ, познать их означало овладеть ими и, в результате, — научиться ими управлять¹. Очевидным следствием такого типа мировосприятия была важность этимологии как средства познания мира — ведь если человеку удавалось узнать начало слова, ему становилась доступной и его сила. Одним из первых о необходимости правильного подбора имен к вещам устами Сократа высказался Платон в диалоге «Кратил». В Древнем Риме к этимологической аргументации прибегали многие ораторы, мыслители, грамматикки как классического (Варрон, Цицерон, Квинтилиан и т.д.), так и более позднего периода. Среди последних можно назвать, например, грамматика Секста Помпея Феста (II–III в.), чье знаменитое сочинение так и называлось — «О значении слов», а также Мавра Сервия Гонората, составившего комментарий к «Энеиде», построенный, прежде всего, на этимологиях.

В рамках христианской культуры, опиравшейся в первую очередь на авторитет Священного Писания, легитимность этимологической аргументации оправдывалась и утверждалась знаменитым стихом из Евангелия от Матфея (Мф. 16:18), содержащим толкование имени апостола Петра. Однако наиболее полно христианское восприятие этимологии было отражено в знаменитом труде Исидора Севильского «Этимологии, или Начала», составленном в первой трети VII в. в Вестготской Испании. В одном из наиболее известных пассажей первой книги своей энциклопедии Исидор утверждал, что, поскольку этимология дает понятие о началах слов, то, узнав происхождение того или иного слова, можно постичь его силу². Слова севильского прелата были услышаны, и редко какой текст христианского мира с тех пор

¹ См. об этом подробнее работы: Curtius E.R. Etymology as a Category of Thought // Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 1953 [1990]; Valastro Canale A. Isidoro di Siviglia: la vis verbi come riflesso dell'onnipotenza divina // Cuadernos de Filologia Clasica. Estudios latinos. Madrid, 1996. No. 10.

² «Etymologia est origo vocabulorum, cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur. [...] Cuius cognitio saepe usum necessarium habet in interpretatione sua. Nam dum videris unde ortum est nomen, citius vim eius intellegis...» (*Isidorus Hispalensis. Etymologiae. Vol. I. 29*).

обходился без этимологических экскурсов той или иной природы. В текстах исторического или агиографического характера, так же как и в гомилетике, чаще всего толкованию подвергались имена собственные, на основе значения которых делались выводы о свойствах их носителей.

Иную роль *argumenta ab etymologia* играли в юридических текстах. В правовой традиции Древнего Рима этимология использовалась активнейшим образом при построении логических классификаций. Как правило, к ней прибегали для того, чтобы отделить родовое значение слова от видового³; иногда, впрочем, она использовалась и для того, чтобы «оттенить» основное значение слова, указать на какую-либо особенность обозначаемого им явления⁴. Приверженность этимологической аргументации в полной мере была унаследована средневековыми юристами, изучавшими и комментировавшими тексты римского права. Для них легитимность данного приема подтверждалась, с одной стороны, приверженностью традиции, поскольку они стремились к использованию тех же способов и методов аргументации, что и их великие предшественники, с другой же — ухудшающимся знанием латыни, шаг за шагом отступавшей перед формировавшимися национальными языками. Зачастую этимология становилась для глоссаторов единственным средством доступно объяснить своим студентам значение того или иного термина.

С наступлением эпохи Ренессанса отношение к аргументам от этимологии радикально изменилось. Гуманисты обращали на этимологию самое пристальное внимание, провозглашая своей целью очистку латинского языка от позднейших напластований и возвращение к классической латыни. При этом процедура очистки языка предполагала не только отказ от средневековых интерполяций в тех случаях, когда их удавалось обнаружить, но и исправление языка самих древних авторов в тех случаях, когда он не соответствовал признанному гуманистами образцу (в частности, для Лоренцо Валлы подобным образом служили тексты Цицерона и Квинтилиана). Понимание гуманистами роли и значимости своей «филологической критики» древних текстов было прекрасно сформулировано Лоренцо Валлой

³ Классическим примером может служить определение обиды (*iniuria*), приведенное в самом начале соответствующего титула «Дигест» Юстиниана: «Iniuria ex eo dicta est, quod non iure fiat: omne enim, quod non iure fit, iniuria fieri dicitur. Hoc generaliter. Specialiter autem iniuria dicitur contumelia» (D.47.10.1pr. Ulp. 56 ad ed.).

⁴ См., например, определение кражи (*furtum*) в начале титула «Дигест», посвященного этому деликту: «Furtum a furvo id est nigro dictum Labeo ait...» (D.47.2.1, Paul. XXXIX ad ed.); характерно, что именно эту этимологическую конструкцию, очевидно, не имеющую никакой прагматической ценности, заимствует в своих «Этимологиях» Исидор Севильский: «Furtum est rei alienae clandestina contrectatio, a furvo, id est fusco vocatum, quia in obscuro fit» (Etym. V. 26.18). Очевидно, что причина заимствования этого пассажа кроется в том, что он как нельзя лучше соответствует пониманию сути этимологии севильским прелатом.

в прологе к шестой книге его знаменитого труда «Шесть книг об изяществе латинского языка» (*Elegantiarum lingvae latinae libri sex*):

Исправлять ошибки величайших мужей — труд тем более полезный, чем более ученый муж ошибся, и ничего нельзя назвать более полезным. Ибо кто усомнится в том, что тот, кто очищает золото, серебро и прочие металлы, делает не меньше, нежели тот, кто их добывает? Тот, кто провеивает пшеницу, — не меньше, нежели тот, кто ее пожинает? Тот, кто отбирает кедровые орехи, миндаль и прочие, — не меньше, нежели тот, кто их собирает? Так и того, кто исправляет текст, если только исправления его не ничтожно малы, мы должны признать не менее значимым, чем самого создателя текста...⁵ (пер. с лат. автора статьи).

Гуманист в данном случае выступал не столько вдумчивым и профессиональным исследователем классических авторов, как это было принято считать в современной отечественной историографии⁶, сколько обвинителем и судьей, порицающим их за ошибки в латыни и исправляющим их⁷. Разумеется, что при этом самое пристальное внимание гуманистов обращалось не на грамматико-синтаксическую структуру классических текстов, а на особенности их словоупотребления. Самым же слабым звеном, вызывавшим наиболее сильную критику, оказывались этимологии, употреблявшиеся античными авторами, — они подвергались наиболее подробному разбору и, как следствие, наиболее ожесточенной критике со стороны гуманистов. Однако очевидно, что подобная критика далеко не всегда была оправданной и результаты ее совсем не каждый раз оказывались удовлетворительными. Основная причина этого, как кажется, заключалась в том, что гуманисты, как правило, подходили к тексту без учета его жанровой специфики, воспринимая его как некую объективную данность. С одними и теми же критериями гуманист подходил к анализу текста грамматика и текста юриста; одни и те же требования предъявлялись к медицинским и к историческим сочинениям. Как результат — зачастую вместо филологической критики текста происходила его «филологическая деконструкция»⁸.

⁵ «Errores maximorum virorum deprehendere, id vero cum doctissimi hominis est, tum opus utilissimum, & quo nullum dici possit utilius. Quis enim dubitet, non minus agere, qui aurum, argentum, caeteraque metalla expurgat, quam qui illa effodit? Qui triticum mundat, quam qui metit? Qui pinus, amygdala, caeteraque nuces feligit, quam qui easdem legit? Ita eum, qui emendat (nisi paucissima sunt quae emendat) non inferiorem existimare debemus, quam ipsum illum inventorem...»

⁶ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995; Брагина Л.М. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М.: Высшая школа, 1999; см. цитируемую там библиографию.

⁷ «Sumus autem iidem simul et accusatores, et iudices, sed qui aliorum pariter accusationem, iudiciumque subeamus, nisi legitime & auctoris, & iudicis fuerimus officio functi» (*Vallae L. Elegantiarum.... Lib. VI, Prooem.*)

⁸ О методе работы гуманистов см., например: Kenney E.J. *The Classical Text. Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1974.

В рамках данной статьи рассматривается один из комментариев Лоренцо Валлы к тексту римского юриста II–III вв., Домиция Ульпиана, в котором последний устанавливал различие между понятиями «поношение» (*convicium*) и «брань» (*maledictum*). Этот комментарий был включен Л. Валлой в его сочинение «Шесть книг об изяществе латинского языка», в текст последней, шестой книги, посвященной исправлению ошибок, допущенных древними авторами в словоупотреблении. (В использованном нами издании эта глава имеет порядковый номер 52⁹, хотя существуют и другие варианты¹⁰.)

«Шесть книг об изяществе латинского языка»¹¹, как известно, писались Л. Валлой на протяжении почти десяти лет — они были начаты еще во время пребывания гуманиста в Павии, в начале 1430-х годов, а завершены в Неаполе в 1441 г. Но интересующую нас в рамках данной статьи шестую, последнюю, книгу своего сочинения Валла писал во время своего пребывания при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского (1396–1458)¹². Эта информация может оказаться полезной при выяснении того, какими рукописями «Дигест» Юстиниана мог пользоваться Валла при подготовке своей работы, хотя, безусловно, и не может дать на этот вопрос исчерпывающего ответа. Реконструкция исходных рукописей Валлы осложняется и тем неоднократно отмечавшимся в литературе обстоятельством, что гуманисты зачастую «изобретали» новые версии источников, давая ссылки на никогда не существовавшие в природе манускрипты¹³.

Будучи опубликованы, «Элеганции», а в особенности их шестая книга, вызвали оживленную реакцию со стороны других гуманистов. С ответом на содержащуюся в «Элеганциях» критику римских юристов выступил один

⁹ *Laurentii Vallae Elegantiarum latinae linguae libri sex, eiusdem De Reciprocatione sui & suus, libellus. Ad ueterum denuo codicum fidem ab Ioanne Reinerio emendata omnia.* Lugduni: Apud Sebastianum Gryphium, 1544. P. 444–445; в частности, именно этой нумерации придерживается К. Дукер: *Duker K. Opuscula varia de latinitate jurisconsultorum veterum.* Lugduni Batavorum: apud Johannem van der Linden, 1711. P. 187–196.

¹⁰ *Laurentii Vallae Elegantiarum libri sex, deque reciprocatione libellus, cum Antonii Mancinelli lima suis locis apposita. Et cum Iodoci Badii Ascensii epitomatis singulis capitibus antepositis.* Argentoratum (Strasbourg), Matthias Schürer, 1517. F. 203r.-v.: в этом издании, например, интересующая нас глава идет под номером 469.

¹¹ В отечественной историографической традиции это сочинение иногда называется также «Элеганции»: Валла Л. Элеганции. Предисловие к шести книгам трактата / пер. Н.А. Фёдорова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.). М.: Изд-во МГУ, 1985.

¹² *Nauta L. Lorenzo Valla // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Autumn 2012 Edition) / Edward N. Zalta (ed.).* [Электронный ресурс]. <<http://plato.stanford.edu/entries/lorenzo-valla/>>.

¹³ *Bynkershoek C. van. Observationum juris Romani libr quatuor, in quibus plurima juris civilis aliorumque auctorum loca explicantur & emendantur.* Lugduni Batavorum, apud Joannem van der Linden junioem, 1710; *Osler D.J. Magna Jurisprudentiae Injuria.* Cornelius van Bynkershoek on early humanist philology // *Ius Commune.* 1992. 19. P. 61–79; *Kenney E.J. The Classical Text...*

из виднейших представителей возрожденческой юриспруденции — Андреа Альчиато (Альчиати) (1492–1550), посвятивший значительную часть своего трактата «О значении слов» разбору аргументации Л. Валлы. Текст Альчиато вызвал ответную реакцию со стороны Франческо Флоридо (1511–1547)¹⁴, разрушавшего в своем труде «О толкователях гражданского права» доводы своего великого современника и защищавшего от его нападок «Элегантции» Л. Валлы. Произведение Флоридо, в свою очередь, стало мишенью для неизвестного юриста (предположительно — Жака Каппеля (1529–1586)), опубликовавшего в 1583 г. трактат «В защиту древних юрисконсультов от нападок Лоренцо Валлы»¹⁵. Еще чуть более века спустя, в 1711 г., этот трактат, вместе с выдержками из трудов Флоридо и Альчиато, был включен Карлом Андреасом Дукером (1670–1752) в состав его «Записок о латыни древних юрисконсультов»¹⁶.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению интересующего нас фрагмента сочинения Л. Валлы, обращая особое внимание на приводимые им обоснования выдвигаемых тезисов и на методику его работы с источниками. Свое рассуждение итальянский гуманист выстраивает по принципу классического лемматического комментария, широко использовавшегося средневековыми авторами, в особенности вышедшими из университетской среды. Подобная модель комментария, как известно, подразумевает, что сначала приводится «лемма» — цитата из разбираемого источника, а затем следует ее подробный разбор, в ходе которого комментатор может активно приводить цитаты из других мест этого же текста или из других известных ему источников.

В случае с разбираемым фрагментом сочинения Л. Валлы отправной точкой для комментирования послужил, как уже говорилось выше, пассаж из «Дигест» Юстиниана, из титула, посвященного обиде (*iniuria*), причиненной частному лицу или магистрату, а также составлению памфлетов и песенок, порочащих честь и доброе имя другого человека (*famosi libelli*). В конкретном тексте, выбранном Л. Валлой, его автор — римский юрист Домиций Ульпиан, — ссылаясь на своего предшественника, Марка Антистия Лабейона, давал подробную характеристику понятию *convicium*, т.е. «поношение», совершаемое одним человеком или группой лиц по отношению к третьему лицу¹⁷. Передав комментируемые им строки близко к тексту (об отношении Валлы к источникам мы скажем чуть ниже), гуманист начинает свой комментарий с программно важного заявления, вокруг которого и

¹⁴ В отечественной историографии известен также как Франциск Флорид Сабин.

¹⁵ *Veterum jurisconsultorum adversus Laurentii Vallae reprehensiones defensio*, I.C.P.I.C.A. Parisiis, 1583.

¹⁶ *Duker K. Opuscula varia...*

¹⁷ *Ulpianus D. Ad edictum libri LXXXIII. Lib. 77. D. 47.10.15.3–12.*

выстраивает все дальнейшие рассуждения: «Лабеон, — пишет Валла, — построил довод о значении на самой этимологии слова. Но поскольку этимология ложна, ложным было и определение, и наоборот, если определение ложно, то и этимология будет ложной»¹⁸.

Согласно логике данной фразы, весь последующий текст Валлы делится на две части, в одной из которых основоположник филологической критики разбирает этимологию слова *convicium*, а в другой — анализирует его значение в сопоставлении с другим латинским термином — *maledictum*, т.е. «брань». При этом характерно, что в первой части своего комментария, посвященной этимологическому экскурсу, Валла не приводит ни одной ссылки на авторитет, отдавая предпочтение сугубо филологическому (можно даже сказать — морфологическому) анализу слова. Во второй же, стремясь показать ошибку Ульпиана и Лабеона в словоупотреблении, итальянский гуманист подкрепляет свою позицию пространными цитатами из сочинений наиболее любимых им классиков — Квинтилиана и Цицерона. Завершается текст Валлы небольшим пассажем, в котором тот, отвлекшись от римских юристов, обрушивается на их средневекового коллегу — Франциска Аккурсия, упрекая его в том, что он не понимает значения слова *materia*. Здесь, дабы его инвектива против глоссатора не выглядела голословной, Валла ссылается на целый ряд авторов Античности, таких как Катон, Варрон, Колумелла и Плиний Старший, писавших о сельском хозяйстве и связанных с ним вещах. Правда, в данном случае не приводится ни конкретных цитат, ни названий произведений — очевидно, расчет делался на то, что читателя должен был убедить внушительный перечень имен классиков.

Теперь разберем технику комментирования Лоренцо Валлы. Для этого прежде всего обратимся к вопросу о том, как Валла приводит необходимые ему цитаты. При сопоставлении цитаты из «Дигест», приведенной в тексте «Элегандий», с аналогичным пассажем, взятым из оригинального текста (см. табл. 1), можно увидеть несколько достаточно показательных различий.

Прежде всего, Лоренцо Валла привел не полный текст Ульпиана, опустив параграфы 6 и 9. Оба места пропусков он обозначил с помощью добавления слов «и далее» и «немного после». Помимо этого в начало цитируемого пассажа из «Дигест» Валлой были добавлены несколько замечаний, отсутствовавших в древнеримском тексте. Наконец, в тексте «Элегандий» ряд глаголов не совпадает по своей грамматической форме с аналогичными глаголами, стоящими в тексте «Дигест» (*spectat* — *spectaret*; *vociferarentur* — *vociferentur*; *dixerunt* — *dixerint*), вместо *non* употреблено *nes*, а вместо *causa dictum* — *gratia dicitur*.

¹⁸ «Ex ipsa nominis etymologia argumentum significationis Labeo sumpsit. Sed cum falsa sit etymologia, falsa erit & diffinitio, cumque falsa sit diffinitio falsa erit & etymologia» (*Vallae L. Elegantiarum... Lib. VI.52*).

Таблица 1

Elegantiarum... Lib. VI.52	Digesta 47.10.3–12
<p>Convitium <i>apud Ulpianum</i> iniuriam esse Labeo ait, quasi maledictum iniuria non fit. Addit idem Labeo. Convitium autem dicitur vel a concitatione vel a conuentu, hoc est a collatione uocum. Cum enim in unum conplures uoces conferuntur, quasi conuotium est. Sed quod additur a praetore aduersus bonos mores non omnem in unum collatam uociferationem praetorem notare, sed eam quam bonis moribus improbat, quaequae ad infamiam & inuidiam alicuius spectat. Et iterum</p> <p>Conuitium autem non tantum praesenti, uerum absenti quoque fieri posse Labeo scribit. Proinde si quis ad domum tuam uenerit te absente, conuitium esse factum dicitur. Item si ad stationem uel tabernam uentum sit, probare oportere fecisse conuitium non tantum is uidetur qui uociferatus est, uerum is quoque qui concitauit ad uociferationem alios uel summisit qui uociferarentur</p> <p>Et paulopost. Ex his apparet non omne maledictum conuitium esse, sed id solum quod cum uociferatione dictum est. Et siue unus siue plures dixerunt, conuitium est quod in coetu dictum est. Quod autem nec in coetu nec in uociferatione dicitur, conuitium non proprie dicitur, sed infamandi gratia dicitur</p>	<p>§ 3. Convicium iniuriam esse Labeo ait.</p> <p>§ 4. Convicium autem dicitur vel a concitatione vel a conuentu, hoc est a collatione uocum. Cum enim in unum conplures uoces conferuntur, convicium appellatur quasi convocium. § 5. Sed quod adicitur a praetore «aduersus bonos mores» <i>ostendit</i> non omnem in unum collatam uociferationem praetorem notare, sed eam, quae bonis moribus improbat quaeque ad infamiam vel inuidiam alicuius spectaret. § 6. <i>Idem ait «aduersus bonos mores» sic accipiendum non eius qui fecit, sed generaliter accipiendum aduersus bonos mores huius civitatis.</i> § 7. Convicium non tantum praesenti, uerum absenti quoque fieri posse Labeo scribit. Proinde si quis ad domum tuam uenerit te absente, convicium factum esse dicitur. Idem et si ad stationem uel tabernam uentum sit, probari oportere.</p> <p>§ 8. Fecisse convicium non tantum is uidetur, qui uociferatus est, uerum is quoque, qui concitavit ad uociferationem alios uel qui summisit ut uociferentur. § 9. «<i>Cui non sine causa adiectum est: nam si incertae personae convicium fiat, nulla executio est.</i>» § 10. <i>Si curaverit quis convicium alicui fieri, non tamen factum sit, non tenebitur.</i> § 11. Ex his apparet non omne maledictum convicium esse: sed id solum, quod cum uociferatione dictum est, § 12. Siue unus siue plures dixerint, quod in coetu dictum est, convicium est: quod autem non in coetu nec uociferatione dicitur, convicium non proprie dicitur, sed infamandi causa dictum</p>

Поскольку ни одна известная рукопись «Дигест» не дает подобных различий, напрашивается вывод о том, что Лоренцо Валла, скорее всего, цитировал римско-правовые тексты, полагаясь не на текст, а на собствен-

ную память. Этим объясняются и несовпадающие грамматические формы, и ввод Валлой в текст не существовавших там ранее слов. По всей видимости, этим можно объяснить и происхождение первого из двух аргументов Валлы в критике Ульпиана и Лабео́на, основанного, как уже говорилось, на этимологии понятия *convicium* или, согласно тексту гуманиста, *convitium*. Возможен, правда, и другой вариант, сводящийся к тому, что Валла просто «подгонял» написание слова к своим этимологическим выкладкам. Косвенно на это указывает фраза, завершающая этимологический пассаж его текста, — в ней Валла допускает возможность иного написания слова *convitium*, нежели то, которое он отстаивал¹⁹; резонно предположить, что, будучи знакомым с достаточно большим количеством рукописей, он гораздо чаще видел именно написание через *c*, а не через *t*. На этот момент обратил внимание и А. Альчиато в своей критике рассуждений Валлы: «...Я удивляюсь, что он с такими легкими аргументами отошел от принятого мнения Лабео́на, которое подтверждается и орфографическими изображениями, поскольку *convicium* пишется через *c*, а не через *t*»²⁰.

Однако помимо вопроса о том, откуда Лоренцо Валла взял такое написание разбираемого им слова, есть и еще один, не меньшей важности, затрагивающий проблему легитимности этимологического аргумента в анализируемом тексте. Очевидно, что как для Лабео́на, так и для Ульпиана, перу которого принадлежит критикуемый Валлой текст, пояснение происхождения слова *convicium* имело вспомогательный характер. Здесь аргумент от этимологии был призван подтвердить данное сразу после него определение поношения как брани, произносимой в адрес конкретного человека публично и в повышенном тоне. Вспомогательный характер данного аргумента подтверждается и тем, что он многократно дублируется аргументами иной природы (апелляциями к образу действия, к месту действия и т.д.). Таким образом, легитимность этимологического аргумента в данном случае подтверждается его функциональностью. Что же делает Валла, даже если оставить в стороне искажение им написания слова? Восстанавливая, как он считает, правильную этимологию *convitium* от *vito* или от *vitium*, он тем самым разрушает логическую структуру текста, уничтожая связку между

¹⁹ «...Tametsi non omnino repugnem scribi per *c*, ut quibusdam placet, non per *t*...» (*Vallae L. Elegantiarum... Lib. VI.52*).

²⁰ «...Ut mirer eum tam levibus argumentis a recepta Labeonis sententia descivisse, quae et orthographiae ratione defenditur, cum per *c* convicium non per *t* scribatur» (*Duker K. Opuscula varia... P. 191*). Показательно в данном случае и возмущенное высказывание знаменитого итальянского лексикографа XVIII в., Э. Форчеллини (1688–1768), который в своем словаре в статье *Convicium* пишет: «Есть те, что пишут *convitium* и производят это слово либо от *vito*, либо от *vitium*; но ни такое написание, ни подобная этимология невозможны» («Sunt qui scribunt *convitium*, derivantque aut a *vito*, aut a *vitium*: sed neque scriptura, neque etymon probabile est...») (*Forcellini E. Lexicon Totius Latinitatis. L.: Baldwin and Cradock, 1828. Vol. I. P. 858*)).

аргументом от этимологии и иными аргументами и, как следствие, полностью обесмысливает исходный текст.

Во второй части своего комментария Лоренцо Валла обращается к разбору определения понятия «поношение», поскольку, по его мнению, дефиниция, данная Ульпианом, неверна и не отражает сущности определяемого объекта. При этом, напомним, ошибочность дефиниции напрямую следует для Валлы из ошибочности приведенной юристом этимологии. Отвергая предложенные Ульпианом характеристики *convicium* как брани, производимой громким голосом и публично, и, в то же время, оставляя без внимания несколько других характеристик, также упомянутых римским юристом (напомним, что *convicium* должно было противоречить добрым нравам той гражданской общины, в которой производилось, и должно было иметь конкретного адресата), Валла собирает свое определение, опираясь на пассажи из сочинений Квинтилиана и Цицерона.

По его мнению, поношение (*convicium*) есть не что иное, как брань (*maledictum*), и любые построения, целью которых является различие между этими двумя понятиями, бессмысленны. Таким образом, основным аргументом в логических построениях Валлы является аргумент от противного: итальянский гуманист занимается, скорее, деструкцией античного текста, нежели его исправлением или дополнением. Если смоделировать текст Ульпиана в том виде, в котором он должен получиться после «филологической критики» Валлы, мы увидим примерно следующее: в первой части текста будет устанавливаться этимология *convitium* от *vito* или от *vitium*²¹, затем будет следовать определение *convitium* как *maledictum contumeliosum*, т.е. как оскорбительной брани. Все остальные реквизиты поношения, выделенные Ульпианом, опирающимся на тексты Лабеоны, в данном, «исправленном», тексте будут отмечены как несущественные. Сравнив два текста — исходный и тот, который должен получиться после критики Валлы, — несложно заметить, что между ними не остается практически ничего общего. Более того, в тексте, претерпевшем «филологическую критику», остается до обидного мало смысла — так, совершенно непонятно, зачем оставлять там этимологию слова *convitium*, если можно ограничиться простым заявлением, что «поношение — это брань», бессмысленным в силу своей очевидности и потому тоже ненужным.

²¹ Отметим, что, по свидетельству Э. Форчеллини, ошибочная этимология *convitium* от *vitium* все же допускалась некоторыми авторами эпохи Возрождения, хотя в этом случае слово и получало иное значение. Так, И. Скалигер употреблял это слово для обозначения угрозы обрушения сразу нескольких частей одного здания, тогда как для аналогичной угрозы одной из частей употреблялось слово *vitium* («Non desunt tamen qui et *convitium* ingerant, sed alia significatione. Nam sicut cum una aedium pars corrupta est, *vitium facere* dicebatur; ita si plures ruinam minarentur, *convitium* dictum est. Hoc perperam adstruere conatus est Scaliger...») (*Forcellini E. Lexicon...*).

Наконец, в завершение рассматриваемого текста Валла несколько отвлекается от римских юристов, уделяя внимание критике их средневековых коллег, а точнее, собственно Франциска Аккурсия, автора знаменитой ординарной глоссы к «Своду Юстиниана». Валла упрекает глоссатора в том, что тот не понимает значения латинских слов *materia ligni*, употребленных в глоссированном фрагменте «Институций» Юстиниана. Аккурсий, как видно из текста Валлы²², расшифровывает слово «дерево» (*lignum*) двумя понятиями — «цемент и камни», что и вызывает справедливый гнев итальянского гуманиста. Валла апеллирует к целому ряду античных авторов, указывавших на то, что этим словом обозначается как частичка живого дерева, будь то веточка или сук, так и целое дерево, растущее на земле. Казалось бы, в данном случае упреки Валлы справедливы и критика его вполне обоснованна. Но если рассмотреть разбираемый текст поближе, это впечатление резко изменится.

В тексте всех (!) известных рукописей «Институций» цитируемый Валлой фрагмент выглядит следующим образом: «Appellatione autem tigni omnis materia significatur ex qua aedificia fiunt» (I.2.1.29). Если внимательно вчитаться в текст, то можно увидеть, что юристы Юстиниана используют не слово *lignum*, стоящее в комментарии Валлы, а созвучное ему *tignum* — разница всего в одной букве. Однако в отличие от *lignum*, на самом деле означающего живое дерево и лишь в расширительном значении использовавшегося для обозначения строительного материала, *tignum*, прежде всего, обозначало строительный брус, т.е. тоже, несомненно, дерево, но в весьма конкретной ипостаси. В этом случае замечание Аккурсия о том, что под названием «дерева» в этом фрагменте могут иметься в виду и прочие строительные материалы, «как, например, цемент или камни»²³, выглядит вполне оправданным и, более того, абсолютно грамотным, учитывающим и смысл текста, и конкретные историко-географические особенности периода составления глоссы — для итальянского юриста XIII в. цемент и камни были гораздо более знакомым строительным материалом, нежели дерево, уже тогда считавшееся очень дорогим. Замечание же Валлы в данном контексте выглядит по меньшей мере странным. В лучшем случае можно представить себе, что он неверно прочел слово и написал критический комментарий, основываясь на своей невольной ошибке. В худшем же случае можно говорить о намеренной подмене термина, т.е., фактически, о сознательной клевете, возводимой Валлой на неспособного уже ответить Аккурсия. В обоих случаях, отметим, позиция, занимаемая Валлой, представляется достаточно невыгодной.

²² «Quid mirum si Accursius non intellegit, qui in institutionibus ubi dicitur. Appellatione autem ligni omni materia significatur, ex qua aedificia fiunt, sic interpretatur ut caementa, ut lapides immemor a iurisconsultis exponi materiam pro ligno ad aedificia utili, quamquam Cato & Varro & Columela & Plinius qui de agricultura scripsere, aliique uiuam etiam arborem particulamque illius materiam appellant, & breuiter omne lignum» (*Vallae L. Elegantiarum... Lib. VI.52*).

²³ Glossa «Materia» ad I.2.1.29.

Использование этимологической аргументации применительно к тому или иному слову в юридическом тексте конституировало его уже не просто как лексическую единицу, но как термин, обладающий неким особым значением. В этом смысле именно этимология становилась для римских юристов (а затем и для глоссаторов и их последователей) точкой отсчета, основой для построения дефиниции термина и — затем — для дальнейшей его теоретической разработки. Юридический текст превращался тем самым в своеобразный культурный код, непонятный не посвященным в него людям: знакомые, казалось бы, слова приобретали в нем иное, отличное от повседневного значение. Сами же юристы, как следствие, становились кем-то наподобие жрецов правосудия (как они же сами себя и называли).

Попытка подходить к правовому тексту с теми же инструментами, что и к обычному нарративному, как правило, приводила к полному фиаско. При применении к нему критериев и методов, используемых при анализе исторических трактатов, речей или сочинений по сельскому хозяйству, юридический текст рассыпался, обесмысливался, превращался в грудку фраз, утративших связь между собой и, как следствие, всякий смысл внутри себя. Лоренцо Валла, неоднократно выступавший с резкой критикой юристов и юридического языка (можно вспомнить его инвективы против Бартоло да Сассоферрато), пытался обращаться с фрагментами текстов римских юристов так же, как если бы это были тексты Квинтилиана или Сервия Гонората, не имея, по всей видимости, достаточного образования и не владея должным исследовательским инструментарием для их анализа. Следствием этого стало то, что знаменитая «филологическая критика» Валлы превращалась в данном случае в «филологическую деструкцию», полностью подтверждая тем самым его же исходный тезис: если этимология ложна, то ложным будет и определение.

LAURENTII VALLAE ELEGANTiarUM LIBRI VI.

LIBER VI. CAP. CCCCLXIX (LII)

CONVITIUM ET MALEDICTUM²⁴

Convitium apud Ulpianum iniuriam esse Labeo ait, quasi maledictum iniuria non fit. Addit idem Labeo. Convitium autem dicitur vel a concitatione vel a conuentu, hoc est a collatione uocum. Cum enim in unum conplures uoces con-

²⁴ *Laurentii Vallae* *Elegantiarum libri sex, deque reciprocatione libellus, cum Antonii Mancinelli lima suis locis apposita. Et cum Iodoci Badii Ascensii epitomatis singulis capitibus antepositis. Argentoratum (Strasbourg), 1517; Cfr.: Laurentii Vallae* *Elegantiarum latinae linguae libri sex, eiusdem De Reciprocatione sui & suus, libellus. Ad ueterum denuo codicum fidem ab Ioanne Reinerio emendata omnia. Lugduni, Apud Sebastianum Gryphium, 1544* (здесь и далее ссылки на это издание даны в виде: [Valla-2]).

feruntur, quasi conuotium est. Sed quod additur a praetore aduersus bonos mores non omnem in unum collatam uociferationem praetorem notare, sed eam quam bonis moribus improbatur, quaequae ad infamiam & inuidiam alicuius spectat. Et iterum. Conuotium autem non tantum praesenti, uerum absenti quoque fieri posse Labeo scribit. Proinde si quis ad domum tuam uenerit te absente, conuotium esse factum dicitur. Item si ad stationem uel tabernam uentum sit, probare²⁵ oportere fecisse conuotium non tantum is uidetur qui uociferatus est, uerum is quoque qui concitauit ad uociferationem alios uel summisit qui uociferarentur. Et paulopost. Ex his apparet non omne maledictum conuotium esse, sed id solum quod cum uociferatione dictum est. Et siue unus siue plures dixerunt, conuotium est quod in coetu dictum est. Quod autem nec in coetu nec in uociferatione dicitur, conuotium non proprie dicitur, sed infamandi gratia dicitur.

Ex ipsa nominis etymologia argumentum significationis Labeo sumpsit. Sed cum falsa sit etymologia, falsa erit & diffinitio, cumque falsa sit diffinitio falsa erit & etymologia. Quis enim Labeoni tribuat²⁶ conuotium a concitatione aut a conuentu dictum, aut a collatione uocis quasi conuotium, cum sit alia propria magis siue etymologia siue expositio per compositionem a con & uotium, uel a conuoto quasi uitandum & uituperationis causa factum. Habet autem conuotium uel non breuem, ut uotium, sed longam ut uoto. Et licet conuoto aliud significat quam conuotium, si modo significat idem quod inuito non obstat cum a suo quoque simplici quod est uoto in significatione magis distet quam conuotium a suo, siue illud sit uoto siue uotium. Ipsa quoque praepositio con in bonam & in malam rem accipi solet, ut conficio per perficio, & pro eo quod est consauciando trucido. Inde confectores ferarum. Conuotium igitur a uotium uel potius a uoto descendit, ut uitupero, tametsi non omnino repugnem scribi per c, ut quibusdam placet, non per t. Et hoc quidem de etymologia, quae si pro Labeone Ulpianoque non pro me faceret, tamen diffinitioni repugnare auderem, nusquam reperiens apud summos uiros hanc differentiam custoditam inter conuotium & maledictum, inter quae si qua est, haec erit quod conuotium est maledictum contumeliosum. Quintillianus in VII. Sic autem praeparabit actione prima iudicum animos, ut noluisse potius obijcere quam non potuisse credatur, eoque satius est omni se anteactae uitae abstinere conuotio²⁷, quam leuibus aut friuolis, aut manifesto²⁸ falsis reum incessere, quia fides caeteris detrahitur, & qui nihil obijcit, omisisse credi potius maledicta, tanquam superuacua, qui uana congerit confitetur uanum²⁹ in anteactis argumentum. Ex his uerbis plane datur intelligi, nec uociferatione utique fieri conuotium, nec aliud esse quam maledic-

²⁵ [Valla-2]: *probari*.

²⁶ [Valla-2]: *credat*.

²⁷ В издании Квинтилиана (Loeb), в значительной части его изданий конца XV — первой половины XVI в., а также в рукописной традиции XIV в. — *conuicio*.

²⁸ [Valla-2]: *manifeste*.

²⁹ В тексте Квинтилиана — *unum*.

tum. Cicero pro Caelio. Maledictum autem nihil habet praepositi praeter contumeliam, quae si petulantius iactatur conuitium, sin facetius urbanitas nominatur. Illud autem uerbum inuidiam, quam Labeo sine Ulpiano³⁰ utitur.

Quid mirum si Accursius non intellegit, qui in institutionibus ubi dicitur. Appellatione autem ligni³¹ omni materia significatur, ex qua aedificia fiunt, sic interpretatur ut caementa, ut lapides immemor a iurisconsultis exponi materiam pro ligno ad aedificia utili, quamquam Cato & Varro & Columela & Plinius qui de agricultura scripsere, aliique uiuam etiam arborem particulamque illius materiam appellant, & breuiter omne lignum.

Лоренцо Валла

ШЕСТЬ КНИГ ОБ ИЗЯЩЕСТВЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА КНИГА VI. ГЛАВА CCCCLXIX (LII)

ПОНОШЕНИЕ И БРАНЬ

Согласно Ульпиану³², Лабеем говорит, что поношение (*conuitium*)³³ — это обида, как будто брань не наносит обиды. Добавляет тот же Лабеем: «Поношение же называется так либо от возбуждения (*concitatio*), либо от сборища

³⁰ [Valla-2]: *sive Ulpianus*.

³¹ I.2.1.29: *tigni*.

³² В данной главке Валла разбирает фрагмент из «Комментария к эдикту» Домиция Ульпиана, вошедший в «Дигесты» Юстиниана (*Ulpianus D. Adedictum... Lib. 77. D. 47.10.15.3–12*). Русский текст этого фрагмента цитируется в переводе А.В. Мареев по изданию: Дигесты Юстиниана / под ред. Л.Л. Кофанова. М.: Статут, 2005. Т. 7. Полутом 1. С. 501. — А. М. Очевидно, что Валла не переписывает дословно фрагмент из рукописи «Дигест», но либо пересказывает его близко к тексту, либо, что даже более вероятно, цитирует его по памяти. Именно этим следует объяснить рассогласование с оригинальным текстом «Дигест» в целом ряде незначительных деталей — различные временные формы глаголов (у Валлы *spectat*, в «Дигестах» *spectaret*), опущение Валлой некоторых глаголов, играющих в исходном тексте роль связок, добавление ряда элементов, отсутствовавших в разбираемом пассаже Ульпиана (например, вставка *et iterum*) и т.д. Подробнее о различиях приводимого Валлой текста и оригинального пассажа «Дигест» см. в табл. 1.

³³ Валла предпочитает написание слова *conuitium* через *t*, а не через *c*, и на протяжении текста обыгрывает это. Очевидно, что подобное написание Валла заимствует из рукописи, с которой он работал (исходя из даты создания текста — ок. 1444 г. — можно предположить, что это была одна из итальянских (болонских) рукописей конца XIV — начала XV в., хранившаяся в библиотеке арагонского короля). Отмечу, впрочем, что единой традиции написания слова *conuitium* в тексте «Дигест» не было: два наиболее распространенных издания «Дигест» конца XV в. (оба — венецианской типографии *De Tortis*, 1487 и 1494 гг. соответственно) дают оба варианта, что, очевидно, указывает на разные варианты рукописной традиции. Editio maugot Т. Моммзена дает вариант *conuicium*, который и считается основным в современной романистике. — А. М.

(*conuentus*), т.е., от соединения голосов (*collatio uocum*). Ведь когда многие голоса сливаются в один, это как бы многоголосие (*conuotium*). Но то, что претором добавлено «вопреки добрым нравам» [показывает], что претор отмечает не всякий совместный крик, но тот, что порицается добрыми нравами и направлен к чужому позору или злобе. И далее. Лабеон пишет, что поношение может совершаться не только в отношении присутствующего, но и в отношении отсутствующего. Поэтому, если кто-либо придет к твоему дому в твое отсутствие, следует сказать, что совершено поношение. То же следует принять, и если он придет в место общественных собраний или в лавку. Считается, что поношение совершил не только тот, кто сам кричал, но и тот, кто побудил к крику других людей, либо тот, кто отправил других, чтобы те кричали. И немного спустя. Из этого следует, что не любая брань считается поношением, но лишь та, которую выкрикивают. И говорит ли один или многие, то, что сказано на сходке, считается поношением. То же, что говорится не на сходке и не выкрикивается, называется не в собственном смысле поношением, но высказыванием с целью опорочить.

Лабеон построил довод о значении на самой этимологии слова. Но поскольку этимология ложна, ложным было и определение, и наоборот, если определение ложно, то и этимология будет ложной. Ибо кто же будет приписывать Лабеону высказывание о том, что поношение называется так от возбуждения или от сборища, или от соединения голосов, как бы многоголосия, когда есть иная, более надежная, этимология, или изъяснение, слова через его составление из *con* и *uitium*, или через происхождение от *conuito*, т.е. как бы сделанного ради уклонения либо порицания. Ведь в слове *conuitium* [слог] *ui* не краткий, как в *uitium*, но долгий, как в *uito*. И хотя *conuito* означает иное, чем *conuitium*, если только оно значит то же, что *inuito*, то ничто не мешает тому, чтобы в своем значении оно больше отличалось от своей простой формы, т.е. *uito*, нежели *conuitium* от своей, будь то *uito* или *uitium*. Сама же приставка *con* вполне может употребляться как в хорошем, так и в дурном смысле, как, например, «совершать» (*conficio*) в значении «завершать» (*perficio*) и в значении «изранив умерщвлять» (*consauciando trucido*), откуда и «истребители чудовищ». Итак, *conuitium* происходит от *uitium* или, скорее, от *uito*, как *uitupero*, хотя я и не отрицаю совершенно написания этого слова через *s*, как это нравится некоторым, а не через *t*.

И это все об этимологии, и даже если выводить ее по Лабеону и Ульпиану, а не согласно моему мнению, я все же осмелюсь оспорить определение, поскольку нигде у лучших мужей я не нашел этого различия между поношением и бранью, которое если в чем и есть, то в том, что поношение — это оскорбительная брань. Квинтилиан в 7-й книге «Наставлений оратору»³⁴

³⁴ *Quintilianus M.F. Institutio oratoria. Lib. 7.2.34.*

пишет: «Так, первой речью он настроит судей на то, что следует считать, будто он, скорее, не хотел, нежели не мог обвинять в чем-либо, и потому будет лучше воздержаться от какого-либо поношения его прежней жизни, нежели засыпать обвиняемого легкими и пустыми, явно ложными, упреками, поскольку так уменьшается доверие к остальным аргументам. О том, кто не выдвинул никаких попреков, можно подумать, что он, скорее, опустил ругательства, как излишние, а тот, кто бранится впустую, основывает свой пустой довод³⁵ на прошлой жизни [обвиняемого]». Этими словами ясно дается понять, что для поношения не обязательно необходим крик и что это не что другое, кроме как брань. Цицерон в речи в защиту Целия³⁶ пишет: «Хула же ставит себе только одну цель — поношение; если ее пускают в ход более нагло, она называется бранью, если более тонко — остроумием». То же о слове «злоба», которое используют Лабейон или Ульпиан³⁷. И странно, если этого не понимает Аккурсий, когда в «Институциях», где говорится³⁸: «Названием же дерева обозначается всякий материал, из которого строятся здания», он толкует это так³⁹: «как, например, цемент или камни», забыв, что «материя» толковалась юристами как дерево, пригодное к строительству, хотя и Катон, и Варрон, и Колумела, и Плиний, которые писали о сельском хозяйстве, а также и другие называют «материей» живое дерево и его частички, и, если вкратце, всякое дерево.

³⁵ Валла изменил текст Квинтилиана, заменив в нем слово *inimic* на *inanimic*; в результате вместо «основываясь лишь на прошлом» получилось тавтологическое «...впустую, основывает свой пустой довод».

³⁶ Cic. Pro M. Caelio Rufo. III. 6. Цитата приводится в переводе В.О. Горенштейн по изданию 1993 г.: «**Accusatio crimen desiderat, rem ut definiat, hominem notet, argumento probet, teste confirmet; maledictio autem nihil habet propositi praeter contumeliam; quae si petulantius iactatur, convicium, si facetius, urbanitas nominator**».

³⁷ В переводе этой фразы я следую за изданием 1544 г. ([Valla-2]), поскольку в противном случае ее смысл непонятен.

³⁸ I.2.1.29: «Appellatione autem tigni omnis materia significatur ex qua aedificia fiunt».

³⁹ Glossa «Materia» ad I.2.1.29, cit.: Institutiones cum divisionibus et summariis. Venetiis, apud Tortis, 1494.